

Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века

Постникова М.И.

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова» (ФГАОУ ВО САФУ им. М.В. Ломоносова), г. Архангельск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2546-8430>, e-mail: post-margarita@yandex.ru

Микляева А.В.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Сиврикова Н.В.

ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ), г. Челябинск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>, e-mail: bobnv79@mail.ru

Регуш Л.А.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8023-3773>, e-mail: schuger@mail.ru

Цель. Изучение изменений в жизнестойкости жителей Северо-Запада России — представителей разных поколений в течение последнего десятилетия (2009–2019 гг.).

Контекст и актуальность. Современный социальный контекст (урбанизация, информатизация, пандемия и т.д.) актуализирует проблему поиска ресурсов, позволяющих человеку справляться с жизненными трудностями. Можно утверждать, что жителям мегаполисов присущи определенные качества, отличающие их от жителей региональных центров и небольших городов, которые являются средством адаптации к специфике агрессивной городской среды. Поэтому характеристика жизнестойкости как меры способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность, не снижая успешности деятельности, в разных условиях социализации (мегаполис/региональный центр) представляется нам вполне обоснованной. Изучение жизнестойкости в контексте поколенческой принадлежности позволяет определить реальные возможности представителей разных поколений справляться с жизненными трудностями.

Дизайн исследования. Исследование жизнестойкости поколений выполнено в 2009 и 2019 гг. с целью выявления изменений и региональной специфики. Описание изменений жизнестойкости представлено на примере мегаполиса и регионального центра Северо-Запада России.

Участники. В исследовании всего приняли участие 769 человек: жители мегаполиса (г. Санкт-Петербург) и областного центра (г. Архангельск). В 2009 году 362 человека, из них 40.6% — мужчины и 59.4% — женщины; возраст 19–69 лет. В 2019 году в исследовании приняли участие 407 человек, из них 34.6% — мужчины и 65.4% — женщины; возраст 27–82 года.

Методы (инструменты). Исследование проводилось с использованием теста жизнестойкости С. Мадди (S. Maddi) (адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Расказовой, 2006). Статистическая

обработка результатов исследования осуществлялась с помощью пакета прикладных программ *Statistica 10.0*. Для оценки характера распределения данных использовались критерии Колмогорова-Смирнова и Шапиро-Уилка, метод описательных статистик ($M \pm S$).

Результаты. Зафиксированы достоверные изменения показателей жизнестойкости населения Северо-Запада России в течение последнего десятилетия. Установлено, что усиление жизнестойкости наблюдается у представителей послевоенного, советского и переходного поколений, при этом в выборке постсоветского поколения фиксируется снижение жизнестойкости. Различий в поколенческой динамике жизнестойкости жителей Санкт-Петербурга и Архангельска не выявлено.

Основные выводы. Полученные результаты позволяют признать поколенческую принадлежность в качестве одного из факторов, опосредующих динамику жизнестойкости на различных этапах жизненного пути человека.

Ключевые слова: жизнестойкость, поколения, изменения жизнестойкости, мегаполис, областной центр.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00520.

Для цитаты: Постникова М.И., Микляева А.В., Сиврикова Н.В., Регуш Л.А. Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 87–103. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130106>

Changes in the Hardiness of Generations' Representatives of Russians at the Beginning of the XXI Century

Margarita I. Postnikova

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2546-8430>, e-mail: post-margarita@yandex.ru

Anastasia V. Miklyaeva

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Nadezhda V. Sivrikova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>, e-mail: bobnv79@mail.ru

Ludmila A. Regush

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8023-3773>, e-mail: schuger@mail.ru

Objective. The article presents the result of researching Hardiness of generations living in different regions of North-West Russia. The aim of the research is to identify changes in Hardiness of generations over the past decade.

Background. The modern social context (urbanization, informatization, pandemic, etc.) actualizes the problem of finding resources that allow a person to cope with life's difficulties. So it's safe to say that the residents of megapolis have certain qualities that distinguish them from the residents of regional centers and small cities, which are a means of adapting to the specifics of an aggressive urban environment. Therefore, the characteristics of hardiness, as the ability of the individual to withstand a stressful situation, while maintaining internal balance without compromising performance, in terms of socialization (metropolis/regional center) seems quite reasonable.

Study design. *The research of generations' hardiness in 2009 and in 2019 with the aim of identifying its changes and regional specificities was completed. The description of changes in hardiness is presented on the example of a megalopolis and a regional center of the North-West of Russia.*

Participants. *Sample: 769 people, including in 2009 – 362 people (40.6% of men, 59.4% of women) from 19 to 69 years old and in 2019 – 407 people (34.6% of men and 65.4% of women) from 27 to 82 years old.*

Measurements. *We studied values using the Russian version of Maddi's Hardiness Survey adapted by D.A. Leont'ev, E.I. Rasskazova (2006). Statistical processing of the research results was carried out with the help of Statistica 10.0 software package.*

Results. *A significant changes of the hardiness in the population of the North-West of Russia over the past decade has been recorded. The increased hardiness is observed in representatives of the Post-war, Soviet, and Transitional generations, while a decrease in hardiness is found in the sample of the Post-Soviet generation. There are no differences in the generational dynamics of the resilience of residents of St. Petersburg and Arkhangelsk.*

Conclusions. *Generational affiliation is one of the factors that mediate the dynamics of hardiness at various stages of a person's life path.*

Keywords: *hardiness, generations, changes of hardiness, hardiness of generations, metropolis, regional center.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-28-00520.

For citation: Postnikova M.I., Miklyaeva A.V., Sivrikova N.V., Regush L.A. Changes in the Hardiness of Generations' Representatives of Russians at the Beginning of the XXI Century. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 87–103. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130106> (In Russ.).

Введение

Задача повышения качества жизни в условиях экономической, политической и эпидемиологической нестабильности делает актуальным изучение субъективных параметров благополучия личности. На смену традиционной психологии приходит позитивная психология [23], в рамках которой акцент делается на изучении здоровой личности и ее внутренних ресурсах. В качестве ресурса преодоления стрессовых ситуаций, связанного с позитивным восприятием и оценкой проблемных ситуаций, в последнее время все чаще рассматривается жизнестойкость личности [6; 7; 14; 16; 18]. Она рассматривается как качество личности, снижающее негативные последствия стрессового события для физического и психического здоровья [28; 29].

Исследователи сходятся во мнении, что способность противостоять трудностям определяется тремя группами факторов: некоторые черты личности (индивидуальные ресурсы), факторы окружающей среды (семья и общественные ресурсы), а также поведенческие реакции (обращение за помощью к другим) [19; 26]. Эти факторы являются составными частями концепта, обозначаемого зарубежными исследователями термином «resilience» (упругость, эластичность). «Resilience» как психологический феномен переводится на русский язык как «жизнеспособность» [10]. Он по-разному трактуется в разных контекстах: семейном, организационном, общественном и культурном [11; 19]. Понятие «жизнеспособность» используется для объяснения явлений и процессов в разных науках, например, в философии

фии, социальных и поведенческих наук. В психологии используется еще одно понятие — «hardiness». Оно обозначает специфическую черту личности, отражающую способность человека преодолевать трудности и достигать поставленных целей [5]. Сравнение понятий «hardiness» и «resilience» позволяет сделать вывод о том, что они не являются синонимичными. Они лишь частично пересекаются в описании ряда внешних, физических, ситуативных характеристик. Термин «resilience» трактуется как способность восстановления физических и душевных сил за короткий промежуток времени, т.е. способность к восстановлению [5; 20; 27] и развитию, несмотря на неблагоприятные обстоятельства [10]. Жизнеспособность представляет собой «зонтичный» термин, который обозначает совокупность психологических ресурсов, отражающих сильные стороны человека. Термин «hardiness» касается внутренних ресурсов, связанных с особым восприятием кризисной ситуации, опосредующих воздействие стрессора [5; 8]. Исследователи, работающие в рамках концепции жизнестойкости как личностной характеристики [28] или характерологического сочетания [1], помогающего восстановлению после стресса (resilience), не считают данный феномен устойчивым ресурсом, который обеспечивает благоприятный исход в условиях стресса [2]. Поэтому С. Мадди и С. Кабб предложили концепцию жизнестойкости (hardiness) для обозначения особого набора черт личности, которые обеспечивают ее стрессоустойчивость [24; 25].

В концепции С. Мадди жизнестойкость представляет собой комплекс убеждений о себе, об окружающем мире, об отношениях с ним. Этот феномен включает в себя три автономных элемента: вовлеченность, контроль, принятие риска [24]. Жизнестойкость является за-

щитным механизмом, который запускается при столкновении с негативными жизненными событиями или неблагоприятными условиями жизни [29; 30].

За последние 30 лет зарубежными исследователями было показано, что жизнестойкость обеспечивает экзистенциальную смелость и мотивацию превращать стрессовые обстоятельства из потенциальных бедствий в возможности роста [25]. В отечественной науке большое внимание уделяется анализу жизнестойкости в контексте ценностей, смысложизненных ориентаций и духовных аспектов личности [5]. Такой подход позволяет обозначить социокультурный контекст формирования и развития жизнестойкости [17].

Несмотря на различия в подходах, зарубежные и отечественные исследователи обращаются к вопросу о взаимосвязи демографических характеристик и уровня жизнестойкости личности. Так, показано, что к числу факторов, опосредующих характеристики жизнестойкости личности, могут быть обоснованно отнесены возраст, социально-экономический статус и регион проживания.

С. Мадди с соавторами обнаружили, что уровень жизнестойкости положительно коррелирует с возрастом. Они отмечают, что у людей более юного возраста показатели жизнестойкости будут ниже, чем у взрослых [24]. Этот факт нашел подтверждение у российских исследователей [18]. Однако в исследованиях других российских психологов была установлена обратная тенденция: в возрасте до 31—35 лет показатели жизнестойкости оказались выше, чем в группах более старшего возраста. При этом не были установлены различия, связанные с полом респондентов [8]. С другой стороны, исследования жизнестойкости подростков показали ее тесные связи с полом и возрастом [22]. Зарубежные исследователи установили

связь жизнестойкости подростков с социальными условиями (включенность в различные социальные группы) [26]. Таким образом, в науке представлены противоречивые данные о связи жизнестойкости с возрастом и полом человека.

Существуют отдельные исследования, в которых изучаются особенности жизнестойкости у людей, связанные с местом их проживания, выявлены этнокультурные особенности в проявлении психологических характеристик жизнестойкости [15]. Этот вывод находит подтверждение в других исследованиях [7]. Некоторые авторы отмечают региональную специфику жизнестойкости [3]. Вместе с тем различия жизнестойкости людей, проживающих в разных регионах, фиксируются далеко не всегда [8]. В группах иранских и английских [21], а также российских и белорусских студентов [6] не было выявлено различий в уровне жизнестойкости. Тем самым можно утверждать, что вопрос о характере взаимосвязей жизнестойкости с регионом проживания, так же как и с возрастом, на сегодняшний день остается открытым, несмотря на исследовательский интерес к поиску социально-демографических факторов жизнестойкости личности.

Между тем в фокус исследовательского внимания в настоящее время практически не попадает еще одна значимая социально-демографическая характеристика, которая наряду с другими может оказывать существенное влияние на жизнестойкость личности — поколенческая принадлежность. Поколенческий подход позволяет, на наш взгляд, учесть социально-экономический контекст личностного функционирования.

Немногочисленные исследования поколенческой принадлежности как фактора, опосредующего жизнестойкость личности, демонстрируют данные, во многом противоречащие сведениям о

возрастной динамике жизнестойкости. Так, на материале российских исследований показано, что наиболее высокие показатели жизнестойкости демонстрируют люди, идентифицирующие себя со старшими поколениями (послевоенным и советским), тогда как наиболее низкие значения встречаются у людей, относящих себя к переходному поколению [16]. При этом различий в уровне значимых значениях жизнестойкости между переходным и постсоветским поколением не обнаружено [13]. На этом основании можно предположить, что поколенческая принадлежность может рассматриваться как самостоятельный фактор, опосредующий уровень жизнестойкости личности, или, учитывая установленное в предыдущих исследованиях совместное влияние факторов «место проживания» и «поколенческая идентификация» на уровень жизнестойкости [12; 28], вносит различный вклад в уровневые показатели жизнестойкости людей, проживающих в разных регионах, каждый из которых имеет ту или иную специфику социально-экономического, экологического и культурного развития.

Опираясь на авторский подход к определению понятия «поколение», мы выделяем следующие исходные положения и критерии дифференциации поколений: возраст/возрастной период, историческая эпоха (рождение человека и период становления его самосознания), социальная роль в семье (дети, внуки, правнуки, родители, прародители) и в обществе (дети, молодежь, зрелые, пожилые люди) [15]. Выделив на основе исторического анализа эпохальные периоды в истории России, которые повлияли на развитие самосознания людей и определили характеристику поколений, в соответствии с выбранными нами критериями дифференциации поколений, а также

учитывая среднюю продолжительность жизни человека в России, мы обозначили пять поколений, живущих в российском обществе людей: военное и послевоенное поколение, советское поколение, поколение переходного периода, постсоветское поколение, поколение «нового века».

Необходимо отметить, что исследования поколенческой принадлежности как фактора, определяющего формирование тех или иных особенностей личности, сталкиваются с существенной методологической трудностью, связанной с дифференциацией фактора поколенческой принадлежности и фактора возраста, которая затрудняет однозначную интерпретацию полученных результатов в терминах возрастных или же поколенческих различий. Одним из способов преодоления указанной методологической трудности является такой подход к организации исследования, когда контролируемые оказываются оба фактора: и возрастная, и поколенческая принадлежность респондентов. Учитывая, что, несмотря на закономерное изменение возрастных характеристик, человек остается представителем определенного поколения, такое исследование может быть реализовано с учетом возрастной динамики изучаемых показателей в границах одного поколения (методом продольных или поперечных срезов). Следует отметить, что исследователи пытаются интерпретировать обнаруженные между разными возрастными группами различия с позиции теории поколений. Но стоит признать, что возрастные и поколенческие группы, отчасти совпадая, могут существенно различаться, т.к. возраст и принадлежность к поколению не всегда тождественны [23].

Мы считаем, что возраст, наряду с историческим контекстом, определяющим основные характеристики поколения, социальной ролью представителей того или

иного поколения, является важным критерием дифференциации поколений [15]. Вместе с тем именно социально-культурный контекст позволяет разделять понятия «возраст» и «поколение». Это дает основания предполагать, что характеристика жизнестойкости представителей разных поколений будет иметь свою специфику, свою динамику, отличающуюся от возрастной динамики. Эта гипотеза нам представляется весьма интересной, требующей проверки. Опираясь на авторский подход к дифференциации поколений [15], мы провели исследование жизнестойкости представителей разных поколений в 2009 и 2019 гг. с целью выявления изменения ее показателей с учетом региональной специфики. К участию в исследовании привлекались респонденты, проживающие в двух городах. Для получения наиболее объективной характеристики жизнестойкости жителей региона были выбраны города из разных групп классификации городов России — город-миллионник и крупный город [9].

В ходе исследования решались следующие исследовательские вопросы: какова общая характеристика изменений показателей жизнестойкости населения Северо-Запада России в течение последнего десятилетия? Каковы изменения показателей жизнестойкости отдельно для мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга) и города областного значения (Архангельск)? Какова специфика изменений показателей жизнестойкости в разных поколенческих группах? Чем отличаются изменения в показателях жизнестойкости представителей разных поколений в мегаполисе и городе областного значения?

Методы

В исследовании приняли участие 769 человек, в том числе 362 человека,

опрошенных в 2009 году (147 мужчин и 215 женщин в возрасте 19–69 лет), и 407 человек, принявших участие в исследовании в 2019 году (141 мужчина и 266 женщин в возрасте 27–82 года). Подробная характеристика выборки приведена в табл. 1. Исследование проводилось с помощью Теста жизнестойкости С. Мадди (S. Maddi) в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой [8]. Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась с помощью пакета прикладных программ Statistica 10.0. Для оценки характера распределения данных использовались критерии Колмогорова-Смирнова и Шапиро-Уилка. Критерий Колмогорова-Смирнова позволил признать нормальным распределение признаков по выборке в целом и по всем 16 подвыборкам. Этот вывод был подтвержден и данными, полученными с помощью критерия Шапиро-Уилка, за исключением суммарных показателей

жизнестойкости в выборках переходного поколения петербуржцев, принявших участие в исследовании в 2009 г. ($W=0,75$, $p<0,01$), а также показателя «принятие риска» в выборке послевоенного поколения архангелогородцев, обследованных в 2019 г. ($W=0,86$, $p<0,01$). В совокупности эти результаты позволили нам применить расчет первичных описательных статистик ($M\pm S$), а также дисперсионный анализ данных (F).

Результаты

Анализ результатов свидетельствует об изменениях жизнестойкости населения Северо-Запада России в течение последнего десятилетия (табл. 2). Показатели существенно выросли. Наиболее очевидный рост наблюдается по параметрам «вовлеченность» и «контроль».

Таблица 1

Характеристика выборки

Поколения	Исследование 2009 года (чел.)		Исследование 2019 года (чел.)	
	Санкт-Петербург	Архангельск	Санкт-Петербург	Архангельск
Постсоветское поколение	48	41	61	44
Переходное поколение	35	37	61	45
Советское поколение	63	34	60	41
Послевоенное поколение	56	42	60	41

Таблица 2

Изменения показателей жизнестойкости населения Северо-Запада России в 2009–2019 гг.

Параметры анализа	2009 г. ($M\pm S$)	2019 г. ($M\pm S$)	F
Вовлеченность	34,42±7,63	36,98±9,08	10,31***
Контроль	27,91±8,19	29,45±8,32	17,76***
Принятие риска	15,18±5,30	16,55±6,86	6,71**
Жизнестойкость (суммарная)	77,50±18,83	82,06±20,49	9,48**

Примечания: ** – $p\leq 0,01$; *** – $p\leq 0,001$.

Таблица 3

Изменение показателей жизнестойкости представителей различных поколений в Санкт-Петербурге и Архангельске в 2009–2019 гг.

Выборка		Вовлеченность (M±S)	Контроль (M±S)	Принятие риска (M±S)	Жизнестой- кость (суммар- ная) (M±S)
Город (год)	Поколение				
Архан- гельск (2009)	Послевоенное	33,36±7,09	23,81±7,75	11,85±4,36	69,01±17,39
	Советское	35,38±7,29	27,41±7,38	15,47±6,61	78,26±18,96
	Переходное	35,34±8,28	28,32±8,06	15,21±4,70	78,87±20,04
	Постсоветское	36,43±6,48	31,86±8,22	17,24±4,75	85,52±16,51
F		1,30	7,39**	9,01***	5,82***
Архан- гельск (2019)	Послевоенное	38,26±6,87	28,41±8,44	14,03±4,42	76,76±23,74
	Советское	39,61±8,41	28,95±8,44	15,29±5,81	83,85±20,21
	Переходное	39,76±6,64	31,83±7,55	17,50±4,51	89,09±16,69
	Постсоветское	34,64±10,21	28,95±9,17	17,45±5,65	81,05±22,78
F		3,73**	1,50	4,60**	2,65*
Санкт- Петербург (2009)	Послевоенное	32,61±8,94	26,32±8,82	14,19±4,27	73,13±19,81
	Советское	32,39±7,23	26,14±7,94	13,80±4,90	72,33±17,42
	Переходное	36,57±6,34	29,26±6,20	16,26±3,62	82,09±13,40
	Постсоветское	35,47±7,72	31,31±7,53	18,22±6,85	85,00±19,47
F		3,44**	5,30***	8,52***	6,47***
Санкт- Петербург (2019)	Послевоенное	36,28±10,69	27,67±7,95	13,47±4,89	77,42±18,86
	Советское	38,67±7,66	29,62±6,80	16,67±4,86	84,83±16,00
	Переходное	38,42±7,61	32,40±8,27	18,91±4,63	88,93±18,56
	Постсоветское	31,68±10,67	27,73±9,02	16,74±5,12	75,02±22,87
F		7,73***	4,60**	6,21***	6,86***

Примечания: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

При этом в Архангельске рост показателей жизнестойкости и ее отдельных компонентов более выражен, чем в Санкт-Петербурге (табл. 3).

На основе анализа данных можно констатировать, что в 2009 году и в Архангельске, и в Санкт-Петербурге наиболее высокие значения жизнестойкости и ее отдельных компонентов наблюдались у представителей переходного и постсоветского поколений, наиболее низкие — у представителей послевоенного и советского поколений.

В 2019 году картина заметно изменилась: наиболее высокие значения компо-

нентов жизнестойкости и ее суммарного показателя наблюдаются у представителей советского и переходного поколений, в то время как для постсоветского поколения характерны наименьшие значения. При этом среди жителей Архангельска в последнее десятилетие наблюдается тенденция к сближению представителей разных поколений по показателям жизнестойкости, тогда как в Санкт-Петербурге межпоколенческие различия сохраняются. Однако, несмотря на различия в тенденциях, связанных с изменением показателей жизнестойкости у представителей разных поколений Архангельска и Санкт-

Петербурга, фактор места жительства для оценки межпоколенческой динамики жизнестойкости оказался незначимым.

Результаты дисперсионного анализа показывают, что обобщенные тенденции в изменении жизнестойкости и ее

отдельных показателей за последнее десятилетие в Санкт-Петербурге и Архангельске схожи (рис. 1–3).

Общая тенденция заключается в последовательном возрастании жизнестойкости представителей послевоенного и

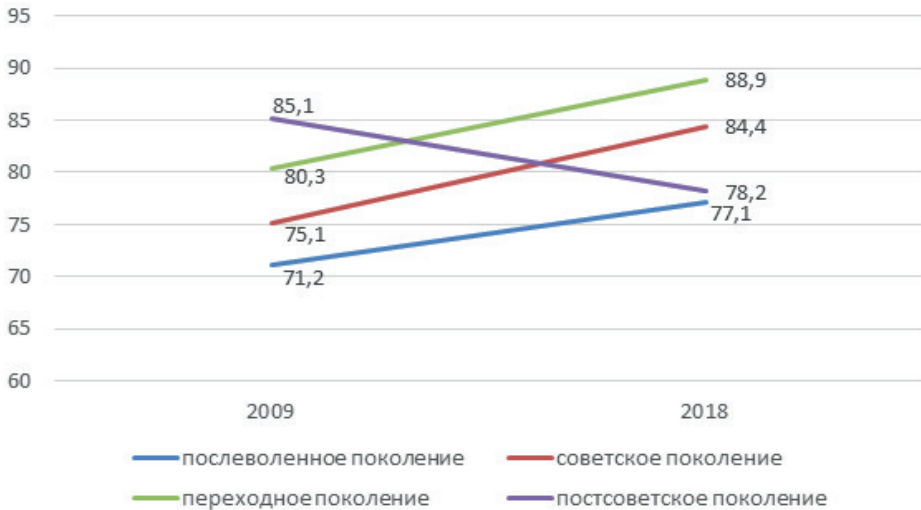

Рис. 1. Изменения суммарного показателя жизнестойкости: результаты дисперсионного анализа

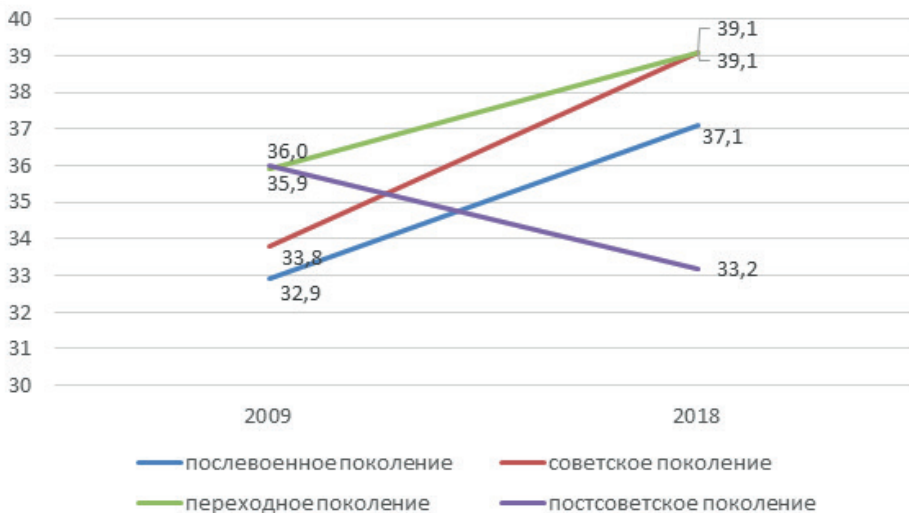

Рис. 2. Изменения показателя вовлеченности: результаты дисперсионного анализа

советского поколений на фоне очевидного снижения жизнестойкости постсоветского поколения. Аналогичная модель для показателя «принятие риска» оказалась статистически не значимой ($F=1,32$, $p=0,27$).

Обсуждение результатов

Характеризуя общую картину изменений показателей жизнестойкости населения Северо-Запада Российской Федерации в течение последнего десятилетия, мы можем констатировать, что жизнестойкость населения в этот период довольно существенно укрепилась. Учитывая имеющиеся в литературе сведения о том, что в уровневые показатели жизнестойкости, помимо прочих, вносит вклад фактор социально-экономического благополучия, можно предполагать, что обнаруженный рост показателей жизнестойкости и ее отдельных компонентов отражает общую тенденцию к стабилиза-

ции социально-экономической ситуации в период 2009–2019 гг. [4], которая нашла отражение в росте жизнестойких установок населения. Наиболее выраженная динамика наблюдается в отношении установок «вовлеченности» и «контроля», что может рассматриваться как усиление тенденции к принятию ответственности за события собственной жизни, снижение субъективного чувства беспомощности на фоне повышения позитивно эмоционально окрашенной включенности в события собственной жизни.

Более детальный анализ, проведенный для поиска ответа на второй исследовательский вопрос о различиях в изменениях показателей жизнестойкости жителей мегаполиса и города областного значения, позволил установить, что увеличение показателей жизнестойкости более ярко выражено в выборке архангелогородцев. Так, в выборках петербуржцев неизменными остались значения показателя «контроль», в то время как в выборках архангелогородцев этот показатель достоверно увели-

Рис. 3. Изменения показателя контроля: результаты дисперсионного анализа

чился. Кроме того, в выборке респондентов-жителей Архангельска зафиксирован более выраженный сдвиг по параметру «вовлеченность». Вероятно, эти различия отражают вариативность темпа социально-экономических изменений в мегаполисах и относительно небольших российских городах. Кроме того, эти различия могут объясняться и особенностями жизненного уклада в мегаполисе и городе областного значения, которые были описаны в нашем предыдущем исследовании [12]. Более интенсивная и насыщенная различными событиями жизнь мегаполиса, возможно, определяет несколько менее выраженные изменения показателей вовлеченности его жителей как своеобразную защитную реакцию на чрезмерную стимуляцию со стороны городской среды, чего не наблюдается в менее крупных городах. В пользу этой гипотезы говорят и отсутствие статистически значимых изменений в уровне значения показателя «контроль» в выборках петербуржцев, а также более высокие значения показателя «принятие риска» (в обоих срезах), что может интерпретироваться как отражение большей динамичности, изменчивости социальной среды мегаполиса, которая нашла отражение в выраженности соответствующих установок петербуржцев десятилетием ранее, чем в случае архангелогородцев десятилетием ранее.

Для ответа на третий и четвертый исследовательские вопросы были проанализированы изменения показателей жизнестойкости отдельно для каждой поколенческой выборки, принявшей участие в исследовании, с учетом города, в котором проживают респонденты. Было установлено, что в течение последнего десятилетия показатели жизнестойкости представителей послевоенного, советского и переходного поколений существенно возросли, тогда как аналогичные показатели в выборке представителей постсо-

ветского поколения продемонстрировали отрицательную динамику. Причем в обеих выборках наблюдаются сходные тенденции. Сопоставляя эти данные со сведениями о возрастной динамике жизнестойкости, мы можем констатировать, что в нашем исследовании в целом подтвердился факт существования противоречий между представлениями о том, как меняются уровневые показатели жизнестойкости с возрастом, и данными об уровне значения показателей жизнестойкости в выборках представителей разных поколений [13; 16].

Исходя из анализа предыдущих исследований, мы ожидали увидеть наиболее яркие положительные сдвиги в показателях жизнестойкости в выборке представителей постсоветского поколения и одновременно предполагали некоторое снижение показателей жизнестойкости в выборке послевоенного поколения, сопряженное с процессами старения. Результаты 2019 года соответствуют ожидаемому соотношению уровневых показателей жизнестойкости. Однако данные исследования 2009 года демонстрируют иную закономерность: в диагностическом срезе десятилетней давности обнаруживается прямая отрицательная взаимосвязь между показателями жизнестойкости и возрастом респондентов [15], самые высокие уровневые значения жизнестойкости наблюдаются у представителей постсоветского поколения, которые на момент исследования еще не достигли этапа взрослости.

Обобщая эмпирические данные, можно предполагать, что изменение показателей жизнестойкости личности на различных этапах жизненного пути обусловлено не только закономерностями взросления и старения, но и поколенческой принадлежностью человека, которая, определяя условия социального ста-

новления личности в периоды, наиболее «сензитивные» для формирования жизнестойких установок (подростковый и юношеский возраст) [17], детерминирует различия в направленности и выраженности изменений уровней показателей жизнестойкости в различные периоды жизни. Показательно, что описанные тенденции оказались универсальными для жителей мегаполиса и города областного значения, что позволяет констатировать преимущественный вклад макросоциальных условий социализации (в сравнении с мезо- и микросоциальными) и с некоторой осторожностью предполагать, что выявленные закономерности могут быть использованы для понимания изменений показателей жизнестойкости поколений в других регионах России.

В заключение отметим, что наше исследование, безусловно, имеет несколько ограничений. Так, метод поперечных срезов, использованный для организации сбора эмпирических данных, несомненно, уступает по надежности лонгитюдному методу (в контексте решения задачи изучения изменений того или иного личностного свойства). Кроме того, данные, полученные в нашем исследовании, отражают динамику жизнестойкости представителей разных поколений в период последовательной стабилизации социально-экономической ситуации и не могут быть экстраполированы на другие социально-экономические контексты функционирования личности без специальной эмпирической проверки. Вместе с тем полученные нами эмпирические данные наглядно демонстрируют продуктивность поколенческого подхода к анализу динамики личностных ресурсов человека, в частности, жизнестойкости, который позволяет получить сведения, углубляющие и дополняющие понимание их закономерных изменений на протяжении жизненного пути личности в контексте

конкретных социально-экономических условий ее бытия.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1) в течение последнего десятилетия жизнестойкость населения Северо-Запада России довольно существенно укрепилась, прежде всего, по параметрам «вовлеченности» и «контроля»;

2) рост показателей жизнестойкости более выражен в выборке архангелогородцев, прежде всего, за счет существенного увеличения показателей вовлеченности; показатели жизнестойкости жителей Санкт-Петербурга также демонстрируют тенденцию к укреплению, однако она выражена менее ярко;

3) наиболее значимое увеличение показателей жизнестойкости зафиксировано в выборках представителей послевоенного, советского и переходного поколений, тогда как аналогичные показатели в выборке представителей постсоветского поколения, напротив, характеризуются снижением, причем эта тенденция проявляется и в выборке Санкт-петербуржцев, и в выборке архангелогородцев;

4) зафиксированное сходство динамики показателей жизнестойкости представителей разных поколений в 2009–2019 гг. в выборках жителей Санкт-Петербурга и Архангельска, не дифференцированных по поколениям, в совокупности с данными о различии такой динамики для различных поколенческих групп позволяет признать поколенческую принадлежность одним из факторов, которые детерминируют характеристики жизнестойкости личности, определяя ее характеристики на различных этапах жизненного пути.

Литература

1. *Валиева Ф.И.* Резилиантность: подходы, модели, концепции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 1. С. 78–86.
2. *Валиева Ф.И.* Индивидуально-личностные предпосылки резильентного поведения // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2016. № 4. С. 97–101.
3. *Галай И.А., Лебедев А.В., Айтман Р.И.* Сравнительная характеристика личностного потенциала юношей вуза в крупном городе и районном центре // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 3(25). С. 94–101. DOI:10.15293/2226-3365.1503.09
4. *Грибберг Р.С.* Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации // Век глобализации. 2015. № 1(15). С. 160–182.
5. *Закерничная Н.В.* Теоретическое осмысление понятия жизнестойкости в отечественных и зарубежных исследованиях // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2016. № 5. С. 61–65. DOI:10.21209/2542-0089-2016-11-5-61-66
6. *Леоненко Н.О., Лукашеня З.В., Осташева Е.И.* Психологические особенности жизнестойкости российских и белорусских студентов: ретроспективный анализ // Психология человека в образовании. 2020. Т. 2. № 4. С. 321–328. DOI:10.33910/2686-9527-2020-2-4-321-328
7. *Леоненко Н.О., Новаковски А.* Этнопсихологические особенности жизнестойкости российских и польских студентов // Гуманитарный вектор. 2014. № 1(41). С. 137–142.
8. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
9. *Манаева И.В.* Города России: классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 7. С. 1235–1249. DOI:10.24891/ге.16.7.1235
10. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 5–16. DOI:10.7868/S0205959217040
11. *Махнач А.В., Лактионова А.И.* Жизнеспособность семьи с позиции организационной теории А.А. Богданова // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 2. С. 41–55. DOI:10.17759/sps.2021120203
12. *Микляева А.В., Румянцева П.В.* Городская идентичность жителя современного мегаполиса. Ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? М.: Речь, 2011. 160 с.
13. *Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Козырева Н.В., Кузьмина Е.И.* Сравнительный анализ личностных ресурсов переходного и нового поколений белорусов и россиян в новых культурно-исторических условиях // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 47–66. DOI:10.17759/sps.2019100205
14. *Овчарова Р.В.* Методология исследования жизнестойкости личности // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 2(53). С. 59–65.
15. *Постникова М.И.* Психология отношений между поколениями в современной России: дисс. ... докт. психол. наук. СПб., 2011. 590 с.
16. *Сиврикова Н.В.* Особенности жизнестойкости людей, идентифицирующих себя с разными поколениями (на примере Уральского региона России) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2019. № 2. С. 240–256. DOI:10.25588/CSPU.2019.38.67.017
17. *Фоминова А.Н.* Жизнестойкость личности. Монография. М.: МПГУ; Прометей, 2012. 151 с.
18. *Шварева Е.В.* Жизнестойкость у подростков из разной образовательной среды // Наука и современность. 2010. № 6–1. С. 411–414.
19. *Vonanno G.A., Romero S.A., Klein S.I.* The temporal elements of psychological resilience: An integrative framework for the study of individuals, families, and communities // Psychological Inquiry. 2015. № 26. P. 139–169. DOI:10.1080/1047840X.2015.992677

20. Britt T.W., Shen W., Sinclair R.R., Grossman M.R., Klieger D.M. How much do we really know about employee resilience? // *Industrial and Organizational Psychology: Perspectives on Science and Practice*. 2016. Vol. 9. № 2. P. 378–404. DOI:10.1017/iop.2015.107
21. Yaprak P., Güçlü M.T., Durhan T.A. The Happiness, Hardiness, and Humor Styles of Students with a Bachelor's Degree in Sport Sciences // *Behav Sci (Basel)*. 2018. Vol. 8. № 9. P. 82. DOI:10.3390/bs8090082
22. Kuzmin M.Y., Konopak I.A. Distinctive features of adolescent hardiness in families of different composition // *Psychology in Russia: state of the art*. 2016. № 9(3). P. 95–102.
23. Lyons S.T., Schweitzer L., Urick M.J., Kuron L. A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace // *Journal of Intergenerational Relationships*. 2019. № 17(1). P. 1–24.
24. Maddi S.R., Khoshaba D.M., Harvey R.H., Fazel M., Resurreccion N. The personality construct of hardiness, V: relationships with the construction of existential meaning in life // *Journal of humanistic psychology*. 2011. № 51(3). P. 369–388.
25. Maddi S.R. Hardiness as a pathway to resilience under stress // *Routledge international handbook of psychosocial resilience*. U. Kumar. Oxford: ROUTLEDGE, 2017. P. 104–110.
26. Malkin V., Rogaleva L., Kim A., Khon N. The Hardiness of Adolescents in Various Social Groups // *Frontiers in Psychology*. 2019. № 10. P. 24–27. DOI:10.3389/fpsyg.2019.02427
27. Mao X., Lohe A.Y., Fung O.W.M., Hu F.X. What it takes to be resilient: The views of disaster healthcare rescuers // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2019. № 36. Article 101112. DOI:10.1016/j.ijdr.2019.101112
28. Meulen E., Velden P.G., Settib I., Veldhoven M.J.P.M. Predictive value of psychological resilience for mental health disturbances: A three-wave prospective study among police officers // *Psychiatry Res*. 2018. № 260. P. 486–494. DOI:10.1016/j.psychres
29. Nordmo M., Olsen O.K., Hetland J. [et al.] It's been a hard day's night: A diary study on hardiness and reduced sleep quality among naval sailors // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 153. Article 109635. DOI:10.1016/j.paid.2019.109635
30. Rothschild-Varibrus V., Fritzsche L., Korzhenevskiy S. [et al.] Hardiness in aspects of suicidal prevention (Literature review) // *Ukrains'kyi Visnyk Psykhonevrolohi*. 2020. Vol. 28. № 1(102). P. 84–88. DOI:10.36927/20790325-V28-is1-2020-18

References

1. Valieva F.I. Reziliantnost': podkhody, modeli, kontseptsii [Resilience: theoretical Analysis of Approaches, Models and Theories]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2014, no. 1, pp. 78–86. (In Russ.).
2. Valieva F.I. Individual'no-lichnostnye predposylki rezil'entnogo povedeniya [Individual Prerequisites of resilient Behavior]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki = Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, 2016, no. 4, pp. 97–101. (In Russ.).
3. Galai I.A., Lebedev A.V., Aizman R.I. Sravnitel'naya kharakteristika lichnostnogo potentsiala yunoshei vuza v krupnom gorode i raionnom tsentre [Comparative Characteristics of personal potential of young men of University Students in the Major Town and district Centre]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Science for Education Today*, 2015, no. 3(25), pp. 94–101. DOI:10.15293/2226-3365.1503.09 (In Russ.).
4. Grinberg R.S. Ekonomika sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy. Obshchie itogi sistemnoi transformatsii [Economy of modern Russia: State, Issues, Prospects]. *Vek globalizatsii = Age of Globalization*, 2015, no. 1(15), pp.160–182. (In Russ.).
5. Zakernichnaya N.V. Teoreticheskoe osmyslenie ponyatiya zhiznestoikosti v otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniyakh [Theoretical Understanding of the Concept of Resistance in

- Domestic and Foreign Studies]. *Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Pedagogicheskie nauki = Scientific Notes of the Trans-Baikal State University*, 2016, no. 5, pp. 61–65. DOI:10.21209/2542-0089-2016-11-5-61-66 (In Russ.).
6. Leonenko N.O., Lukashenya Z.V., Ostasheva E.I. Psikhologicheskie osobennosti zhiznestoikosti rossiiskikh i belorusskikh studentov: retrospektivnyi analiz [Psychological characteristics of hardiness in Russian and Belarusian students: A retrospective analysis]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii = Psychology of Education*, 2020. Vol. 2, no. 4, pp. 321–328. (In Russ.).
7. Leonenko N.O., Novakovski A. Etnopsikhologicheskie osobennosti zhiznestoikosti rossiiskikh i pol'skikh studentov [Ethno-Psychological Features of Hardiness of the Russian and Polish Students]. *Gumanitarnyi vector = Humanities vector*, 2014, no. 1(41), pp. 137–142. DOI:10.33910/2686-9527-2020-2-4-321-328 (In Russ.).
8. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Test zhiznestoikosti [Test of Hardness]. Moscow: Smysl, 2006. 63 p. (In Russ.).
9. Manaeva I.V. Goroda Rossii: klassifikatsiya i tipologiya [Cities and Towns of Russia: Classification and Typology]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*, 2018. Vol. 16, no. 7, pp. 1235–1249. DOI:10.24891/re.16.7.123 (In Russ.).
10. Mahnach A.V. Zhiznesposobnost' cheloveka kak predmet izucheniya v psikhologicheskoi nauke [Human resilience as research object in psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2017. Vol. 38, no. 4, pp. 5–16. DOI:10.7868/S0205959217040 (In Russ.).
11. Mahnach A.V., Laktionova A.I. Zhiznesposobnost' sem'i s pozitsii organizatsionnoi teorii A.A. Bogdanova [Family Resilience from the Perspective of A.A. Bogdanov' Organizational Theory]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 41–55. DOI:10.17759/sps.2021120203 (In Russ.).
12. Miklyaeva A.V., Rummyantseva P.V. Gorodskaya identichnost' zhitelya sovremennoogo megapolisa. Resurs lichnostnogo blagopoluchiya ili zona povyshennogo riska? [The urban identity of a resident of a modern metropolis. A resource for personal well-being or a high-risk area?]. Moscow: Rech', 2011. 160 p. (In Russ.).
13. Odintsova M.A., Radchikova N.P., Kozyreva N.V., Kuz'mina E.I. Sravnitel'nyi analiz lichnostnykh resursov perekhodnogo i novogo pokolenii belorussov i rossiyan v novykh kul'turno-istoricheskikh usloviyakh [Comparative analysis of personal resources of belarusian and russian transitional and new generations in new cultural and historical conditions]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 47–66. DOI:10.17759/sps.2019100205 (In Russ.).
14. Ovcharova R.V. Metodologiya issledovaniya zhiznestoikosti lichnosti [Research Methodology of Personality Hardiness]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kurgan State University*, 2019, no. 2(53), pp. 59–65. (In Russ.).
15. Postnikova M.I. Psikhologiya otnoshenii mezhdru pokoleniyami v sovremennoi Rossii. Diss. dokt. psikh. nauk. [Psychology of relations between generations in modern Russia. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Saint-Petersburg, 2011. 590 p. (In Russ.).
16. Sivrikova N.V. Osobennosti zhiznestoikosti lyudei, identifitsiruyushchikh sebya s raznymi pokoleniyami (na primere Ural'skogo regiona Rossii) [Features of Hardiness of People, identifying itself with different Generations (on the Example of the Region of Russia)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2019, no. 2, pp. 240–256. DOI:10.25588/CSPU.2019.38.67.017 (In Russ.).
17. Fominova A.N. Zhiznestoikost' lichnosti. Monografiya [The Hardiness of Personality]. Moscow: MPGU Prometei, 2012. 151 p. (In Russ.).
18. Shvareva E.V. Zhiznestoikost' u podrostkov iz raznoi obrazovatel'noi sredy [Resilience in adolescents from different educational environments]. *Nauka i sovremennost' = Science and Modernity*, 2010, no. 6–1, pp. 411–414. (In Russ.).

19. Bonanno G.A., Romero S.A., Klein S.I. The temporal elements of psychological resilience: An integrative framework for the study of individuals, families, and communities. *Psychological Inquiry*, 2015, no. 26, pp. 139–169. DOI:10.1080/1047840X.2015.992677
20. Britt T.W., Shen W., Sinclair R.R., Grossman M.R., Klieger D.M. How much do we really know about employee resilience? *Industrial and Organizational Psychology: Perspectives on Science and Practice*, 2016. Vol. 9, no. 2, pp. 378–404. DOI:10.1017/iop.2015.107
21. Yaprak P., Güçlü M.T., Durhan T.A. The Happiness, Hardiness, and Humor Styles of Students with a Bachelor's Degree in Sport Sciences. *Behav Sci (Basel)*, 2018. Vol. 8, no. 9, pp. 82. DOI:10.3390/bs8090082
22. Kuzmin M.Y., Konopak I.A. Distinctive features of adolescent hardiness in families of different composition. *Psychology in Russia: state of the art*, 2016, no. 9(3), pp. 95–102.
23. Lyons S.T., Schweitzer L., Urick M.J., Kuron L. A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace. *Journal of Intergenerational Relationships*, 2019, no. 17(1), pp. 1–24.
24. Maddi S.R., Khoshaba D.M., Harvey R.H., Fazel M., Resurreccion N. The personality construct of hardiness, V: relationships with the construction of existential meaning in life. *Journal of humanistic psychology*, 2011, no. 51(3), pp. 369–388.
25. Maddi S.R. Hardiness as a pathway to resilience under stress. *Routledge international handbook of psychosocial resilience*. U. Kumar. Oxford: ROUTLEDGE, 2017, pp. 104–110.
26. Malkin V., Rogaleva L., Kim A., Khon N. The Hardiness of Adolescents in Various Social Groups. *Frontiers in Psychology*, 2019, no. 10, pp. 24–27. DOI:10.3389/fpsyg.2019.02427
27. Mao X., Loke A.Y., Fung O.W.M., Hu F.X. What it takes to be resilient: The views of disaster healthcare rescuers. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 2019, no. 36, Article 101112. DOI:10.1016/j.ijdr.2019.101112
28. Meulen E., Velden P.G., Settib I., Veldhoven M.J.P.M. Predictive value of psychological resilience for mental health disturbances: A three-wave prospective study among police officers. *Psychiatry Res*, 2018, no. 260, pp. 486–494. DOI:10.1016/j.psychres
29. Nordmo M., Olsen O.K., Hetland J. [et al.] It's been a hard day's night: A diary study on hardiness and reduced sleep quality among naval sailors. *Personality and Individual Differences*, 2019. Vol. 153, Article 109635. DOI:10.1016/j.paid.2019.109635
30. Rothschild-Varibrus V., Fritzsche L., Korzhenevskiy S. [et al.] Hardiness in aspects of suicidal prevention (Literature review). *Ukrains'kyi Visnyk Psykhonevrolohiï*, 2020. Vol. 28, no. 1(102), pp. 84–88. DOI:10.36927/20790325-V28-is1-2020-18

Информация об авторах

Постшикова Маргарита Игоревна, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики, ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГАОУ ВО САФУ им. М.В. Ломоносова), г. Архангельск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2546-8430>, e-mail: post-margarita@yandex.ru

Микляева Анастасия Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Сиврикова Надежда Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ), г. Челябинск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>, e-mail: bobnv79@mail.ru

Регуш Людмила Александровна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и образования, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8023-3773>, e-mail: schuger@mail.ru

Information about the authors

Margarita I. Postnikova, Doctor of Psychology, Professor of the Chair of Pedagogy, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2546-8430>, e-mail: post-margarita@yandex.ru

Anastasia V. Miklyaeva, Doctor of Psychology, Professor of the Chair «Human psychology», Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Nadezhda V. Sivrikova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Chair of Social Work, Pedagogy and Psychology, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>, e-mail: bobnv79@mail.ru

Ludmila A. Regush, Doctor of Psychology, Professor of the Chair «Psychology of Development and Education», Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8023-3773>, e-mail: schuger@mail.ru

Получена 08.02.2021

Received 08.02.2021

Принята в печать 28.01.2022

Accepted 28.01.2022